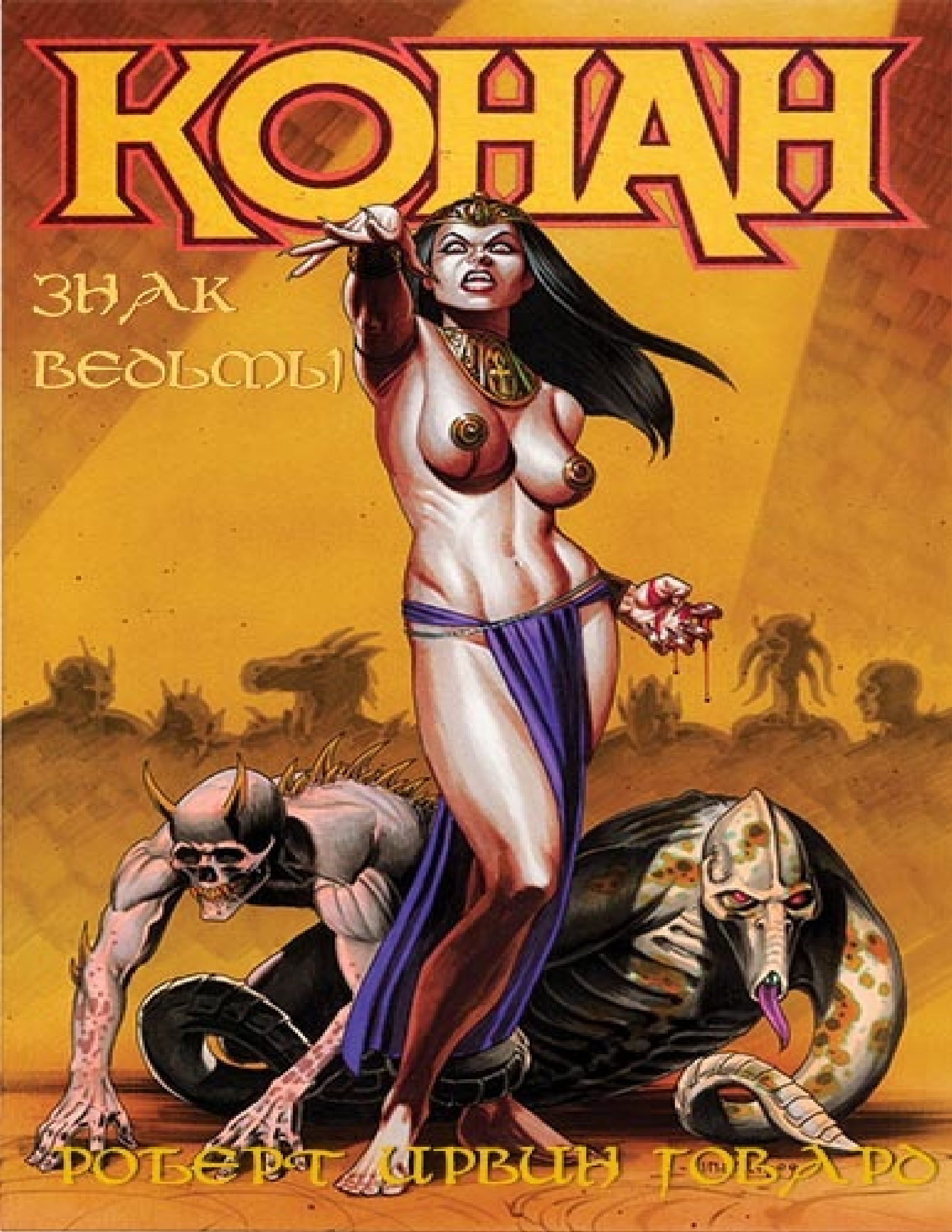
КОНАН

ЗНАК ВЕДЬМЫ



РОБЕРТ ЭРВИН ГОВАРД

Annotation

Преследуемый войсками давнего своего врага — короля Ездигерда, Конан едва унес ноги и вновь присоединился к пиратам. Однако эти приключения оказались всего лишь эпизодом в невероятной биографии киммерийца, он вновь пустился в странствия по суше, возглавив в конце концов дворцовую гвардию королевы Тарамис в Хауране…

- Роберт Ирвин Говард
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Роберт Ирвин Говард
ЗНАК ВЕДЬМЫ

1

Тарамис, королева Хаурана, пробудилась от тревожного сна. Окружающая ее могильная, звенящая в ушах тишина не походила на обычный покой ночного дворца — скорее на покой мрачных подземелий.

Она удивилась тому, что свечи в золотых подсвечниках гасли. Сквозь стекла в серебряных переплетах пробивался звездный свет, но он был слишком слаб, чтобы развеять мрак спальни.

В темноте Тарамис заметила светящуюся точку, и она приковала к себе все внимание королевы. Свет, исходивший из нее, становился все ярче и ярче и осветил обитые шелком стены. Тарамис приподнялась и увидела, что перед ней вырисовываются очертания человеческой головы. Пораженная королева хотела крикнуть людей, но ни одного звука не вырвалось из ее пересохшей гортани. Черты призрака становились все отчетливей: гордо запрокинутая голова, увенчанная копной черных волос. Королева замерла: перед ней было ее собственное лицо! Словно бы она гляделась в зеркало — правда, кривое. Таким жестоким и хищным было выражение этого лица.

— О Иштар! — прошептала Тарамис. — Я околдована!

К ее ужасу отражение ответило голосом, подобным сладкому яду:

Околдована? Нет, милая сестричка, это не колдовство!

— Сестричка? — сказала королева. — У меня нет сестры!

— И никогда не было? — поинтересовался голос. — Неужели у тебя никогда не было сестры-близняшки с таким же тонким телом, равно чувствительным и к пыткам, и к поцелуям?

— Да, когда-то у меня была сестра, — ответила Тарамис, все еще считая это кошмарным сном. — Но она умерла…

Прекрасное лицо во тьме исказилось гримасой столь ужасной, что королева отпрянула — ей показалось, что черные локоны со змеиным шипением поднимаются над мраморным челом призрака.

— Ты лжешь! — выдохнули алые искривленные губы. — Она не умерла! Ты дура! Но довольно маскарада — гляди на здоровье.

Свечи в золотых подсвечниках внезапно зажглись — словно светящаяся змейка проскользнула по стенам. Тарамис задрожала и съежилась в изголовье покрытого шелком ложа, глаза ее расширились и с ужасом глядели на фигуру, возникшую из мрака. Казалось, что стоит перед ней вторая Тарамис, сходная с королевой в каждой жилке тела, но как бы охваченная злым демоном. Ярость и мстительность горели в глазах дикой кошки, жестокость таилась в изгибе сочных пунцовых губ, каждое движение тела словно бы бросало вызов. И волосы были уложены так же, как у королевы, и на ногах такие же золоченные сандалии…

— Кто ты? — пересохшими губами прошептала Тарамис. — Объясни, как ты сюда попала, или я прикажу слугам позвать стражу!

— Кричи-кричи, пусть хоть стены рухнут, — отвечала незваная гостья. — Слуги твои не проснутся до утра, даже если весь дворец сгорит. И гвардейцы не услышат твоего визга — я отослала их из этого крыла дворца.

— Что ты сказала? — воскликнула оскорбленная Тарамис. — Кто кроме меня осмеливается приказывать моим гвардейцам?

— Я, милая сестричка! Как раз перед тем, как войти сюда. Они подумали, что это их любимая повелительница. Ха! Я удачно сыграла эту роль! С каким царственным величием, с какой неотразимой женственностью держалась я с этими бронированными болванами…

Тарамис почувствовала, что какие-то грозные и загадочные события сжимают кольцо вокруг

нее.

— Кто ты? — крикнула она в отчаянии. — Зачем ты пришла? Что это за бред?

— Кто я? — в ласковом голосе сквозило шипение кобры. Незнакомка наклонилась к ложу, крепко схватила королеву за плечи и заглянула ей в глаза. Взгляд этот парализовал Тарамис.

— Дура! — взвизгнула гостья. — И ты еще спрашиваешь? И ты еще гадаешь? Я же Саломея!

— Саломея! — воскликнула Тарамис и волосы зашевелились у нее на голове, когда это имя обрело смысл. — Я думала, что ты умерла сразу же после рождения…

— Многие так думали, — сказала та, что назвалась Саломеей. — Меня унесли умирать в пустыню — будьте вы все прокляты! Беспомощного плачущего ребенка, еле живого! А знаешь, почему меня обрекли на смерть?

— Я слышала… Мне рассказывали…

Саломея захохотала и разорвала тунику на груди. Как раз между двумя тугими полушариями виднелось странное родимое пятно в виде красного, как кровь, полумесяца.

— Ведьмин знак! — Тарамис отпрянула.

— Он самый! — Полный ненависти хохот был острым, как лезвие кинжала. — Проклятие царствующего дома Хаурана! До сих пор на торговых площадях наивные глупцы рассказывают эти байки о том, как первая в нашем роду королева сошлась с повелителем тьмы и понесла от него дочь, имя которой помнят и по сей день. И с тех пор каждые сто лет появляется в аскаурийской династии девочка с алым полумесяцем. «Раз в столетие да рождается ведьма» — так звучит древнее проклятие. И оно сбывается! Некоторых из нас убивали при рождении — так хотели поступить и со мной. Другие оставались жить ведьмами — гордые дочери Хаурана, меченные адским полумесяцем на мраморном теле, и каждая из них звалась Саломеей! Всегда была и всегда будет появляться ведьма Саломея. Даже если сойдут с полюсов вечные льды, чтобы обратить мир в прах, даже если заново возродятся царства земные — все равно будут ходить по свету царственной походкой Саломея, и будут чары ее порабощать мужчин, и будут по ее капризу отрубать головы мудрейшим!

— Но ты… Ты…

— Что я? — глаза ведьмы загорелись зеленым огнем. — Меня вывезли далеко за город и бросили в горячий песок, на солнцепек, и уехали, оставив плачущее дитя на растерзание стервятникам и шакалам. Но жизнь не покинула меня, ибо источник ее таится в таких безднах, которых и представить не может ум человеческий.

Шли часы, солнце палило нещадно — а я жила. И я помню, хоть и смутно, эти муки.

Потом появились верблюды и желтолицые люди, говорившие на странном наречии. Они сбились с караванной тропы. Их вожак увидел меня и знак на моей груди.

И он взял меня на руки и спас мне жизнь.

Это был чародей из далекого Кхитая, возвращавшийся из странствий по Стигии. Он взял меня с собой в город Пойкан, где пурпурные купола висят над зарослями бамбука. Там я выросла, постигая его науки. Годы не ослабили могущества моего наставника, и научил он меня многому…

Она прервалась, загадочно улыбнулась и продолжала:

— В конце концов он прогнал меня и сказал, что я заурядная колдунья, не способная управлять могучими силами. Он добавил, что собрался сделать меня владычицей мира, но я всего-навсего «проклятая вертихвостка». Ну и что? Мне вовсе не улыбалось сидеть одной в Золотой Башне, часами всматриваться в магический кристалл, бесконечно повторять заклинания, начертанные кровью девственницы на змеиной коже, а от замшелых книг меня просто тошнило. Учитель сказал, что я земная нежить и не сумею постичь космическую магию. Что ж — все, что я желаю, можно найти и на земле — власть, блеск, роскошь, красивых

любовников и послушных рабынь. Заодно он рассказал мне и о моем детстве, и о проклятии. Вот я и вернулась, чтобы взять то, на что имею равное с тобой право.

— Что это значит? — оскорбленная Тарамис вскочила. — Неужели ты полагаешь, что, заморочив головы слугам и стражникам, получила права на корону Хаурана? Помни, что королева здесь я! Конечно, ты будешь иметь все, что положено принцессе крови, но…

Саломея злобно засмеялась.

— Как ты щедра, милая сестричка! Но прежде чем облагодетельствовать меня, будь любезна, объясни, что это за войско стоит лагерем за городской стеной?

— Это шемиты-наемники. Ими командует Констанций, вельможа из королевства Коф.

— А что их привело в наши пределы?

Тарамис почувствовала в тоне сестры издевку, Но отвечала с королевским достоинством:

— Констанций обратился к нам с просьбой пропустить его солдат через нашу землю в Туран. Он поручился за войско своей головой, и, покуда солдаты находятся в границах королевства, будет оставаться моим заложником.

— Неужели нынче утром этот витязь не просил твоей руки?

Тарамис гневно глянула на сестру:

— Откуда ты знаешь?

Ведьма пожала плечами и спросила:

— Можно ли поверить, что ты отказала такому красавцу?

— Разумеется! — ответила Тарамис. — Неужели ты, принцесса крови, могла подумать, что королева Хаурана даст иной ответ? Чтобы я вышла за бродягу с руками по локоть в крови, которого с позором изгнали с родной земли, за главаря банды наемных убийц и грабителей? Мне не следовало вообще впускать этих чернобородых мясников в пределы Хаурана. Но ведь он заточен в Южной башне, и мои гвардейцы зорко его стерегут. Завтра я прикажу, чтобы его орда покинула королевство, а он будет в заложниках до тех пор, пока не уйдет последний солдат. Наши воины сейчас не патрулируют по городу, но я предупредила Констанция, что он головой поплатится за любой вред, причиненный землепашцам и пастухам!

— И Констанций вправду томится в Южной башне? — допытывалась Саломея.

— Я же сказала! Почему ты спрашиваешь?

Саломея хлопнула в ладоши и воскликнула голосом, полным жестокого торжества:

— Королева приглашает тебя на прием, Сокол!

Открылись раззолоченные двери, и в покой шагнул рослый воин. При виде его Тарамис воскликнула с гневом и удивлением:

— Констанций, как посмел ты войти сюда?

— Да, это я и есть, Ваше величество! — пришелец опустил голову в глумливом поклоне. Черты его лица и вправду напоминали хищную птицу. И красота его была хищной. Лицо его было опалено солнцем, черные, как воронье крыло, волосы зачесаны назад. Он был одет в черный камзол и высокие сапоги — обычный походный наряд, местами даже носивший следы ржавчины от панциря.

Подкрутив усы, наемник оглядел вжавшуюся в угол кровати королеву с такой бесцеремонностью, что она содрогнулась.

— Клянусь Иштар, Тарамис, — сказал он ласково. — Ночная рубашка тебе больше к лицу, чем королевский наряд. Да, черт возьми, эта ночь начинается совсем неплохо!

Ужас мелькнул в глазах Тарамис: она сразу поняла, что Констанций не отважился бы на такое оскорбление ни с того ни с сего.

— Безумец! — сказала она. — Пусть в этой комнате я в твоей власти, но тебе не уйти от мести моих слуг — они на клочки разорвут тебя, если посмеешь меня коснуться! Попробуй, если

жизнь тебе не дорога!

Констанций расхохотался, но Саломея остановила его:

— Довольно шутить, перейдем к делу. Послушай, милая сестрица. Это я послала Констанция в твою землю, потому что решила занять престол. А для своих целей выбрала Сокола, потому что он начисто лишен качества, именуемого у людей добродетелью.

— Дивлюсь твоей доброте, госпожа! — иронически усмехнулся Констанций и поклонился.

— Я послала его в Хауран. А когда его люди встали лагерем под стенами и сам он направился во дворец, прошла в город через Западные ворота — стерегущие их болваны решили, что это ты возвращаешься с вечерней прогулки.

Щеки Тарамис вспыхнули, гнев возобладал над королевским достоинством.

— Ты змея! — крикнула она.

Саломея усмехнулась и продолжала:

— Они, конечно, удивились, но впустили меня без слова. Точно так же я прошла во дворец и приказала стражникам, стерегущим Констанция, удалиться. Потом пришла сюда, а по дороге успокоила твою служанку…

Тарамис побледнела и спросила дрожащим голосом:

— Слушай! — Саломея гордо откинула голову и показала на окно. Сквозь толстые стекла все же доносилась поступь отрядов, лязг оружия и доспехов. Приглушенные голоса отдавали команды на чужом языке, сигналы тревоги мешались с испуганными криками.

— Люди проснулись и немало удивились, — ядовито сказал Констанций. — Неплохо бы, Саломея, пойти успокоить их.

— Отныне зови меня Тарамис, — ответила ведьма. — Нам нужно привыкать к этому…

— Что вы сделали? — закричала королева. — Что вы еще сделали?

— Ах, я совсем забыла тебе сказать, что приказала страже отпереть ворота. Они удивились, но не ослушались. И вот армия Сокола входит в город!

— Дьявольское отродье! — воскликнула Тарамис. — Ты воспользовалась нашим сходством и обманула людей! О Иштар! Мой народ сочтет меня предательницей! О, я выйду сейчас к ним…

С ледяным смехом Саломея схватила ее за руки и толкнула назад. Молодое и крепкое тело королевы оказалось беспомощным против тоненьких рук Саломеи, наполненных нелюдской силой.

— Констанций, тебе знакома дорога из дворца в подземелье? — спросила ведьма и, видя, что Констанций согласно кивнул, продолжала:

— Вот и хорошо. Возьми эту самозванку и запрячь в самую глубокую темницу. Стража там усыплена зельем — я позаботилась об этом. Пока они не очнулись, пошли кого-нибудь перерезать им глотки. Никто не должен знать, что произошло нынче ночью. Отныне я Тарамис, а она — безымянная, забытая богами и людьми узница подземелья.

Констанций улыбнулся, открыв ряд крупных белых зубов.

— Дела наши идут неплохо. Надеюсь, ты не откажешь мне в небольшом развлечении, прежде чем эта шалунья попадет в камеру?

— Я тебе не запрещаю. Вразуми эту злючку, если охота.

Саломея толкнула сестру в объятия Констанция и с торжествующей улыбкой покинула спальные покои.

Она еще раз улыбнулась, когда услышала, проходя длинным коридором, высокий отчаянный крик.

2

Одежда молодого воина была покрыта засохшей кровью, потом и пылью. Кровь продолжала сочиться из глубокой раны в бедре, из порезов на груди и руках. Капли пота выступили на его искаженном яростью лице, пальцы терзали покрывало постели.

— Она, верно спятила! — снова и снова повторял он. — Все это как дурной сон! Тарамис, любимица народа, продает нас этому дьяволу! О Иштар, лучше бы меня убили! Лучше пасть в бою, чем знать, что королева предала свой народ!

— Лежи спокойно, Валерий, — умоляла девушка, перевязывавшая ему раны. — Ну, дорогой, успокойся! Ты разбередишь раны, а я не успела еще сбегать за лекарем…

— Не делай этого! — сказал раненый юноша. — Чернобородые дьяволы Констанция будут обыскивать все дома в поисках раненых кауранцев и прикончат всех, кто пытался дать им отпор. О Тарамис, как могла ты предать людей, обожествлявших тебя!

Валерий откинулся на ложе, содрогаясь от гнева, а испуганная девушка обхватила его голову руками и прижала к груди, умоляя успокоиться.

— Лучше смерть, чем позор, ставший уделом Хаурана, — стонал Валерий. — Неужели ты все это видела, Игва?

— Нет, милый, — ее нежные чуткие руки снова принялись обихаживать раны. — Я проснулась от шума битвы на улице. Выглянула в окно и увидела, что шемиты убивают наших, а потом ты постучал в дверь — еле слышно…

— Я был уже на пределе, — пробормотал Валерий. — Упал в переулке возле дома и не могу подняться, хоть и знаю, что тут меня быстро разыщут. Клянусь Иштар, я уложил троих! Они уже не осквернят своими лапами мостовых Хаурана — их сердца пожирает нечисть в преисподней!

Я не был на стенах, когда шемиты вошли в город. Я спал в казарме вместе с другими свободными от службы ребятами. На рассвете вбежал наш командир, бледный, при мече и в доспехах. «Шемиты в городе, — сказал он. — Королева вышла к Южным воротам и приказала их впустить. Я этого не понимаю, да и никто не понимает, но приказ я слышал своими ушами и мы, как водится, подчинились. У меня новое распоряжение — собраться на площади перед дворцом. Построиться у казарм в колонны и без амуниции двигаться на площадь. Только Иштар ведает, что все это означает, но таков приказ королевы».

Когда мы вышли на площадь, шемиты уже были наготове. Они выстроились в каре — десять тысяч вооруженных бронированных дьяволов, а горожане выглядывали из окон и дверей. Улицы, ведущие к площади, заполнялись ошарашенными людьми. Тарамис стояла на ступенях дворца на пару с Констанцием, а тот крутил усы, словно толстый котяра, слопавший птичку. Перед ступенями стояли шеренгой полсотни шемитских лучников, хотя это место королевской гвардии. Но гвардейцы стояли среди нас и тоже ничего не понимали. Зато они, вопреки приказу, пришли во всеоружии.

Тарамис обратилась к нам и сказала, что повторно обдумала предложение Констанция — хотя еще вчера при всем дворе отказала ему — и порешила объявить его королевским супругом. И ни слова о предательском вторжении шемитов. Сказала только, что у Констанция достаточно умелых воинов, так что кауранская армия отныне не нужна и будет распущена.

И повелела нам разойтись по домам с миром.

Послушание королям у нас в крови. Но ее слова так потрясли нас, что мы онемели и сломали строй. А когда повелели сложить оружие и гвардейцам, вперед неожиданно вышел их капитан, Конан. Люди говорят, что этой ночью он службы не нес и крепко набрался. Но сейчас он был в полном уме: приказал гвардейцам не двигаться без его команды, и они подчинились

ему, а не королеве.

Потом он взошел на ступени, поглядел на Тарамис и воскликнул: «Да это не королева, не Тарамис перед вами, а демон в ее обличье!».

И начался настоящий ад. Не знаю, что послужило сигналом — кажется, кто-то из шемитов замахнулся на Конана и мертвым пал на ступени. Сейчас же площадь стала полем сражения — шемиты схватились с гвардией, но и их копья и стрелы поразили также немало безоружных кауранцев. Некоторые из нас, схватив, что под руку попало, дали отпор, сами не зная, за кого сражаясь. Нет, не против Тарамис, клянусь — против Констанция и его чертей!

Народ не знал, чью сторону принять. Толпа моталась туда-сюда, словно перепуганный лошадиный табун. Но на победу нам рассчитывать не приходилось — без брони, с парадными побрякушками вместо боевого оружия… Гвардейцы построились в каре, но их было всего пять сотен. Кровавый урожай собрала гвардия, прежде чем погибнуть, но исход был предрешен.

Что же делала Тарамис? Она спокойно стояла на ступенях и Констанций приобнял ее за талию. Она заливалась смехом, словно злая колдунья! О боги! Это безумие, безумие…

Никогда я не видел человека, равного в бою Конану. Он встал у дворцовой стены и вскоре перед ним была куча порубленных тел в половину его роста. В конце концов они одолели его — сотня против одного. Увидел, что он упал — и мир перевернулся перед моими глазами. Констанций приказал взять его живым, покручивал усы и улыбка у него была самая подлая…

…Именно такая улыбка была у Констанция и сейчас.

Предводитель шемитов возвышался на коне, окруженный скопищем своих людей — коренастых, закованных в броню, с иссиня-черными бородами и крючковатыми носами. Заходящее солнце играло на их остроконечных шлемах и серебристой чешуе панцирей. Примерно в миле отсюда, среди буйно зеленеющих лугов, виднелись башни и стены Хаурана.

На обочине караванной дороги был вкопан массивный крест. К кресту был прибит железными гвоздями человек.

Всю одежду его составляла набедренная повязка, а сложение было воистину богатырским. Капли смертного пота выступили на лбу и могучем торсе распятого, из пробитых ступней и ладоней лениво сочилась кровь, но глаза под черной гривой волос горели диким голубым огнем.

Констанций глумливо поклонился и сказал:

— Весьма сожалею, капитан, что не смогу присутствовать при твоем издыхании — у меня есть дела в городе. Оставлю тебя твоей собственной судьбе. Не могу же я заставить ждать нашу прелестную королеву. Тобой займутся вон те красавцы, — он указал на небо, где черные силуэты неустанно выписывали широкие круги.

— Если бы не они, то такой крепкий дикарь мог бы прожить на кресте и несколько дней. Так что пусть оставит тебя всякая надежда, хотя я даже не поставлю охрану. Глашатаи объявили по городу, что всякий, кто попытается снять твое живое или мертвое тело с креста, будет заживо сожжен со всей родней. А слово мое в Хауране нынче надежнее всякой стражи. К тому же при солдатах стервятники не слетятся…

Констанций подкрутил усы и, глядя Конану прямо в глаза ехидно улыбнулся:

— Ну, капитан, желаю удачи! Я вспомню о тебе в ту минуту, когда Тарамис окажется в моих объятиях.

Кровь снова брызнула из пробитых ладоней жертвы. Кулаки, огромные, как ковриги хлеба, сомкнулись на шляпках гвоздей, заиграли мышцы на могучих плечах и Конан, выгнувшись вперед, плюнул в лицо Констанцию. Тот рассмеялся, вытер плевок и поворотил коня.

— И ты вспомни обо мне, когда грифы начнут тебя терзать, — бросил он через плечо. — Стервятники в пустыне прожорливы. Случалось мне видеть, как человек висел на кресте часами — с выбитыми глазами, с оголенным черепом и без ушей, прежде чем кривые клювы обрывали

нить его жизни.

И, не оглядываясь больше, погнал коня в сторону города — стройный, ловко сидящий в седле, в сверкающих доспехах. Рядом скакали его могучие бородачи, поднимая дорожную пыль.

Смеркалось. Вся округа, казалось, вымерла. На расстоянии, доступном взгляду, не было ни единой души. Для распятого капитана Хауран, что был всего лишь в миле, мог с таким же успехом находиться в далеком Кхитае или существовать в другом столетии.

Конан стряхнул пот со лба и обвел мутнеющим взором такие знакомые места. По обе стороны от города и за ним тянулись пышные луга, стояли виноградники, мирно паслись стада. На горизонте виднелись селения. Ближе, на юго-западе, серебристый блеск обозначал русло реки, за которой сразу же начиналась пустыня и тянулась до бесконечности.

Конан оглядывал раскинувшиеся вокруг просторы, как ястреб, попавший в силок, смотрит в небо. Загорелое тело киммерийца блестело в лучах заходящего солнца. Гневная дрожь охватывала варвара, когда он бросал взгляд на башни Хаурана. Этот город предал его, запутал в интригах — и вот он висит на деревянном кресте, словно заяц, прибитый к стволу дуба метким копьем.

Неуемная жажда мести затмевала все другие мысли. Проклятия лились из Конана сплошным потоком. Вся вселенная сейчас для него заключалась в четырех железках, ограничивших его свободу и жизнь. Вновь, как стальные канаты, напряглись могучие мышцы, и пот выступил на посеревшем теле киммерийца, когда он, используя плечи как рычаги, попробовал вытянуть из креста длинные гвозди. Тщетно — они забиты как следует. Тогда он попытался содрать ладони сквозь шляпки, и не дикая боль остановила его, но безнадежность. Шляпки были слишком толстые и широкие.

Впервые в жизни гигант почувствовал себя беспомощным. Голова его упала на грудь…

Когда раздалось хлопанье крыльев, он едва смог приподнять голову, чтобы увидеть падающую с неба тень. Он инстинктивно зажмурился и отвернулся, так что острый клюв, нацеленный в глаз, только разодрал щеку. Изо рта Конана вырвался хриплый отчаянный крик, и напуганные стервятники разлетелись. Впрочем недалеко.

Он облизнулся и, почувствовав соленый привкус, сплюнул. Жестокая жажда мучила его: минувшей ночью он как следует выпил, а вот воды ни глотка не сделал с самого утра перед боем на площади. Он смотрел на дальнюю речную гладь словно грешник, выглянувший на миг из адской печи. Он вспоминал упругие речные потоки, которые ему приходилось преодолевать, роги, наполненные пенистым пивом, кубки искристого вина, которые ему случалось по небрежности или с перепою выливать на полы трактиров. И крепко стиснул челюсти, чтобы не завыть от необоримого отчаяния.

Солнце спускалось за горизонт — мрачный бледный шар погружался в огненно-красное море. На алом поле неба, словно во сне, четко вырисовывались городские башни. Конан взглянул вверх — и небосвод отливал красным. Это усталость застила ему глаза багровой пеленой. Он облизнул почерневшие губы и снова глянул на реку. И река была алой.

Шум крыльев вновь коснулся слуха. Он поднял голову и горящими глазами смотрел на силуэты, кружившие вверху. Криком их уже не испугаешь. Одна из громадных птиц начала снижать круги. Конан изо всех сил запрокинул голову назад и ожидал с поразительным хладнокровием.

Гриф упал на него, оглушительно хлопая крыльями. Удар клюва разорвал кожу на щеке. Вдруг, прежде чем птица успела отскочить, голова Конана метнулась вперед, подчиняясь могучим мышцам шеи, а зубы его с треском сомкнулись на зобе стервятника. Гриф заметался, словно яростный вихрь из перьев. Бьющиеся крылья ослепляли человека, длинные когти бороздили его грудь. Но Конан держался так, что мышцы челюстей задрожали — и голая шея

грифа не выдержала. Птица трепыхнулась разок — и бессильно обвисла. Конан разжал челюсти, тело шлепнулось к подножию креста, он выплюнул кровь. Другие стервятники, потрясенные участью своего сородича, поспешно убрались в сторону отдаленного дерева и уселись на его ветвях, подобные черным демонам.

Торжество победы оживило Конана, кровь быстрей побежала в жилах. Он все еще мог убивать — следовательно, он жил. Весь его организм противился смерти.

— Клянусь Митрой!

Человеческий голос или галлюцинация?

— Никогда в жизни ничего подобного не видел!

Отряхнув с глаз пот и кровь, Конан увидел в полумраке четырех всадников, глядевших на него снизу.

Трое из них, тонкие, в белых одеждах, были, несомненно, зуагирами — кочевниками из-за реки. Четвертый был одет так же, но принадлежал к другому народу — Конан сумел разглядеть это в густеющих сумерках.

Ростом он, пожалуй, не уступал Конану, да и шириной плеч, хоть и не был так массивен. Короткая черная борода, волевая нижняя челюсть, серые глаза, холодные и проницательные, как лезвие.

Всадник уверенной рукой осадил коня и сказал:

— Митра свидетель, этот человек мне знаком.

— Да, господин, — отозвался голос с гортанным выговором зуагиров. — Это киммериец, который был капитаном королевской гвардии!

— Вот, значит, как избавляются от фаворитов, — проворчал всадник. — Кто бы мог помыслить такое о королеве Тарамис. Я бы предпочел долгую кровавую войну — тогда бы и мы, люди пустыни, могли поживиться. А сейчас подошли к самым стенам города и нашли только эту клячу, — он кивнул на коня в поводу у одного зуагира, — да еще этого издыхающего пса!

Конан поднял залитое кровью лицо.

— Если бы я мог спуститься с этой палки, ты сам бы стал у меня издыхающим псом, мунгатский ворюга! — прошептали почерневшие губы.

— О Митра, эта падаль меня знает! — удивился всадник.

— Ты же один такой в округе, — проворчал Конан. — Ты Гарет, атаман тех, кто объявлен вне закона.

— Точно! И родом я из мунганов, ты верно сказал. Хочешь жить, варвар?

— Дурацкий вопрос, — ответил Конан.

— Человек я тяжелый, — сказал Гарет, — и в людях ценю лишь мужество. Вот и посмотрим, истинный ли ты муж или взаправду издыхающий пес.

— Если мы начнем его снимать, нас увидят со стен, — предостерег один из кочевников.

Гарет властно сказал:

— Уже совсем стемнело. Бери-ка топор, Джебал, и руби крест у самого основания.

— Если крест упадет вперед, его раздавит, — возразил Джебал. — А если назад, у него башка расколется и все внутренности отобьет.

— Выдержит, если достоин ехать со мной, — нетерпеливо бросил Гарет. — А если нет, то и жить ему незачем. Руби!

Первый удар боевого топора в подножие креста отозвался в распухших ладонях и ступнях Конана пронзительной болью. Снова и снова бил топор, и каждый удар поражал измученные пыткой нервы. Конан закусил губу и не издал ни стона. Наконец топор врубился глубоко в дерево, крест дрогнул и пошел назад. Конан собрал все тело в единый узел твердых как сталь мускулов, а голову крепко прижал к брусу. Длинный брус грохнулся о землю и подскочил на

локоть. Адская боль на мгновение ошеломила Конана. С трудом он понял, что железные мышцы уберегли тело от серьезных повреждений.

Одобрительно хмыкнув, Джебал склонился над ним с клещами, которыми выдергивают гвозди из подков, и ухватил шляпку гвоздя в правой ладони. Клещи были маловаты. Джебал сопел и пыхтел, пытаясь расшатать упрямый гвоздь, крутил его туда-сюда в древесине и в живой ране. Кровь текла между пальцами киммерийца, который лежал недвижно, как труп — только грудь тяжело вздымалась.

Наконец гвоздь поддался, Джебал торжествующе поднял вверх окровавленную железку и бросил ее в пыль, перейдя к другой руке. Все повторилось. Затем кочевник занялся ступнями Конана. Но варвар сел, вырвал клещи у Джебала, а его самого отшвырнул крепким толчком.

Кисти его опухли и стали чуть не вдвое больше обычных, сгибать пальцы было мучением. Но киммериец, хоть и неуклюже, сумел вытащить гвозди из ступней — они были забиты не так глубоко.

Он поднялся, качаясь на распухших, обезображенных ногах. Ледяной пот катился по его лицу и телу. Он стиснул зубы, чтобы перенести боль — начались судороги. Равнодушно смотревший на него Гарет указал на краденую лошадь. Конан, спотыкаясь, побрел к ней. Каждый шаг причинял страшную боль, на губах богатыря выступила пена. Изуродованная ладонь нащупала луку седла, окровавленная ступня с трудом нашла стремя. Сжав челюсти, киммериец оттолкнулся от земли, чуть не сомлев при этом — и очутился в седле. Гарет стегнул коня хлыстом, тот поднялся на дыбы и едва не сбросил изученного всадника на землю. Но Конан обернул поводья вокруг кистей рук и сумел осадить коня, да так, что чуть не сломал ему челюсти.

Один из номадов вопросительно поднял флягу с водой, но Гарет сказал:

— Пусть потерпит до лагеря. Здесь всего-то десять миль. Выдержит без воды еще столько же, если он вообще способен жить в пустыне.

Всадники помчались к реке. Конан глядел на мир налитыми кровью глазами и мена засыхала на его почерневших губах.

3

Странствуя по Востоку в неустанной погоне за знаниями написал мудрец Астрей письмо своему другу, философу Алкемиду, оставшемуся в родной Немедии. Все сведения народов Запада о полумифическом для них Востоке основаны были именно на этом послании.

Вот что писал Астрей:

«Ты даже представить себе не можешь, старина, что за порядки установились в этом маленьком царстве с тех пор, как королева Тарамис впустила в его пределы Констанция с его наемниками — об этом я уже упоминал в предыдущей весточке. С того дня минуло семь месяцев, и, похоже, этой несчастной землей завладел сам дьявол. Тарамис, по моему мнению, начисто лишилась рассудка. Славившаяся прежде доброжелательностью, справедливостью и милосердием, ныне она выказывает совершенно противоположные качества. Интимная ее жизнь — это сплошной скандал, да и можно ли назвать ее таковой, коли королева и не пытается даже скрыть распутства, царящего при дворе. Она дает волю любым своим желаниям, устраивает пользующиеся дурной славой застолья (правду сказать — оргии) и заставляет участвовать в них несчастных придворных дам — и девиц, и замужних. Сама она даже не потрудилась сочетаться браком со своим любовником Констанцием, который восседает рядом с ней на троне, словно законный владыка. Его офицеры, следуя примеру вождя, преследуют всякую понравившуюся им женщину, не глядя на ее происхождение и положение.

Бедное королевство стонет под тяжестью чудовищных налогов и податей. Ограбленные до нитки селяне питаются кореньями и капустой, купцы ходят в лохмотьях — это все, что осталось после сбора налогов от их богатств. Да они и тому рады, что голова уцелела.

Предвижу недоверие твое, почтенный Алкемид; знаю, что усомнишься в моем рассказе, предвзятым его сочтешь. Верно, такое было бы немыслимо ни в одной из стран Запада. Но всегда помни об огромной разнице между Западом и Востоком, особенно этой его частью. Ты знаешь, что Хауран — небольшое королевство, находившееся некогда в составе империи Коф. Сравнительно недавно обрело оно желанную независимость. Ближайшее окружение Хаурана составляют подобные ему маленькие державы, несравнимые с великими государствами Запада, или обширными султанатами Дальнего Востока, однако весьма влиятельные по причине необыкновенного богатства. К тому же в руках их все караванные пути. Среди этих держав Хауран расположен дальше всех на юго-восток и граничит с пустынными просторами земли Шем. Название государство получило по имени столицы — это самый большой город в стране. Хауран защищает плодородные земли и пастбища от набегов кочевников, словно сторожевая башня.

Земля здешняя столь обильна, что дает урожай трижды в год. Равнины к северу и западу от города густо населены. У того, кто привык к громадным поместьям Запада, эти крошечные поля и виноградники могут вызвать улыбку. Однако зерно и фрукты текут из них, словно из рога изобилия. Население занимается в основном крестьянским трудом. Люди это мирные и безоружные — тем более, что сейчас им вообще запрещено иметь оружие. С давних времен живут они под защитой столичного гарнизона и совершенно утратили боевой дух. Крестьянское восстание, которое непременно бы вспыхнуло в подобных условиях на Западе, здесь невозможно. Хлебопашец гнет горб под железной рукой Констанция, а чернобородые шемиты неустанно снуют по полям с батогами — точь-в-точь надсмотрщики черных рабов на плантациях южного Зингара.

Не слаще и горожанам. Все они ограблены, а прекраснейшие из их дочерей отданы на потеху Констанцию и его наемникам. Люди эти безжалостны. Вспомни, с какой яростью

сражались наши солдаты с шемитскими союзниками Аргоса — столь отвратительны были немедийцам их нечеловеческая жестокость, ненасытная жадность и зверства.

Горожане принадлежат к правящему сословию Хаурана и ведут свое происхождение от гиборийцев — отсюда их благородство и воинственность. Но измена королевы отдала горожан в руки угнетателей. Шемиты — единственная военная сила в городе, и горе тому обывателю, в доме которого найдут меч! С великим рвением истребляются молодые боеспособные мужи, их казнят или продают в неволю. Тысячи молодцов бежали из города — кто под знамена чужеземных владык, кто просто в банды грабителей.

Сейчас стала реальной опасность нападения со стороны пустыни, населенной племенами шемитских кочевников-номадов. Дело в том, что наемники Констанция набирались в западных городах земли Шем — Пелиштиме, Анакиме, Акхариме, а зуагиры и другие кочевые племена люто их ненавидят. Ты знаешь, добрый Алкемид, что сия варварская страна разделяется на плодородные западные земли, тянущиеся до океана, на берегу которого стоят вышесказанные города, и восточную пустыню, где бродят номады. Пламя войны между жителями городов и обитателями пустыни не гаснет столетиями. С незапамятных времен зуагиры нападали на Хауран, но ни сразу одержали победы. Так что теперь, когда город захватили ненавистные западные сородичи, гордость номадов уязвлена. Ходят слухи, что эту вражду всячески раздувает человек, служивший раньше капитаном королевской гвардии. Он, будучи распят на кресте, непостижимым образом сумел ускользнуть из рук Констанция. Человек сей зовется Конан и происходит он из варварского племени киммерийцев, чью дикую мощь не однажды испытали на собственной шкуре наши доблестные воины. В деревнях говорят, что человек этот стал правой рукой Гарета, мунганского кондотьера, что пришел из северных степей и своей волей возглавил зуагиров. Болтают также, что банда зуагиров в последнее время весьма усилилась. Гарет же, несомненно, наущаемый киммерийцем, готовится напасть на Хауран. Кончиться это может весьма плачевно, ибо, не имея опыта правильной осады и надлежащих машин, кочевники не устоят в открытом бою перед вымуштрованными и хорошо вооруженными шемитами. Обитатели города встретили бы номадов с радостью, поскольку ига худшего, чем нынешнее, быть не может. Но они настолько запуганы и беспомощны, что никакой поддержки кочевникам оказать не сумеют. Воистину, горька их доля!

Тарамис же, обуянная злым демоном, запретила поклонение Иштар и храм ее превратила в языческое капище, где поклоняются идолам и жертвуют демонам. Статую Иштар из слоновой кости наемники изрубили топорами прямо на ступенях храма. Хоть это и второстепенная богиня по сравнению с нашим Митрой, ее все же следует предпочесть Шайтану, которому поклоняются шемиты.

Здание же храма наполнила Тарамис непристойными изображениями божков обоего пола в сладострастных позах и с самыми отвратительными подробностями, кои может измыслить извращенный ум. Многие из этих идолов — нечистые божества шемитов, туранцев, жителей Вендхии и Кхитая. Другие же вообще похожи на злых духов, живьем явившихся из незапамятного прошлого, ибо ужасные признаки их сохранились только в самых туманных легендах, ведомых ныне лишь ученым да адептам тайного знания. Откуда Тарамис привела их — страшно даже подумать.

Королева ввела в обычай человеческие жертвоприношения, и со времен их позорного союза с Констанцием не менее шести сотен молодых мужчин, женщин и детей стали кровавой данью. Многие из них окончили жизнь на жертвеннике, возведенном королевой в храме (причем она сама умерщвляла их ритуальным кинжалом), большинству же была суждена участь ужаснейшая. Что оно такое и откуда взялось — неведомо. Но королева, едва был подавлен мятеж воинов против Констанция, провела ночь в оскверненном храме в обществе дюжины связанных

пленников. Потрясенный народ видел тяжелы смрадный дым, что поднимался над храмовой крышей, а изнутри всю ночь слышались заклинания королевы и смертные стоны пленников. Перед зарей еще один звук добавился — жуткий нелюдской хохот, и кровь застыла в жилах у тех, кто его услышал. Утром Тарамис покинула храм — усталая, но с торжествующим сатанинским блеском в глазах. Пленников больше никто никогда не видел, и хохот этот не повторялся.

Но есть в храме зала, в которую не вхож никто, кроме королевы. Королева же, направляясь туда, гонит перед собой обреченного на жертву. Никого из этих людей уж более не видели, и все полагают, что в оной зале и угнездилось чудовищу, вызванное Тарамис из черной бездны веков и пожирающее людей.

Я уже не думаю о Тарамис, как о простой смертной — это какая-то злобная гарпия, что таится в пропахшей кровью норе среди костей своих жертв. То, что вышние силы дозволяют такое безнаказанно, заставляет меня усомниться в божественной справедливости.

Сравнивая ее нынешнее поведение с тем, которое я запомнил в первые дни пребывания своего в Хауране, начинаю склоняться к мысли, что в тело Тарамис вселился некий демон.

Другое подозрение высказал мне один молодой воин по имени Валерий. Он утверждает, что некая колдунья приняла облик чтимой королевы, сама же Тарамис заключена в подземелье. Молодец этот поклялся отыскать подлинную королеву, если та еще жива, но, боюсь, сам пал жертвой жестокого Констанция. Он участвовал в мятеже дворцовой гвардии, сумел бежать и скрывался, упорно отказываясь покинуть город. В его укрытии я и беседовал с ним. Теперь же он исчез — так же, как и другие, о чьей судьбе здесь не принято спрашивать. Боюсь, что шпионы Констанция его выследили.

На этом я вынужден закончить свое письмо, чтобы нынче же ночью отправить его с почтовым голубем. Он принесет послание туда, где родился — на рубеж земли Коф. Оттуда будет отправлен верховой, а потом верблюжья эстафета доставит письмо тебе. Я должен успеть до рассвета, а уже поздно, и звезды начинают бледнеть над висячими садами Хаурана. Город погружен в тишину, и только глухой звук жертвенного барабана доходит со стороны храма. Не сомневаюсь, что это Тарамис в союзе с силами преисподней затевает новые злодейства».

Но мудрец был не прав. Женщина, известная миру под именем Тарамис, стояла в подземелье, озаренная зыбким светом факела. Блики метались по ее лицу, усугубляя дьявольскую жестокость этих прекрасных очертаний.

Перед ней на голой каменной лавке сжалась фигурка, едва прикрытая лохмотьями. Саломея тронула ее носком золотого башмачка и мстительно улыбнулась:

— Не соскучилась ли ты по мне, милая сестричка?

Несмотря на семимесячное заточение и гнусные лохмотья, Тарамис все еще была прекрасна. Она ничего не ответила и только ниже склонила голову.

Ее равнодушие задело Саломею, она закусила пунцовую губку и нахмурилась. Одета она была с варварским великолепием женщин Шушана. При свете факела драгоценные камни сверкали на ее обуви, на золотом нагруднике, золотых кольцах и браслетах. Прическа была высокой, как у шемиток, золотые серьги с «тигровым глазом» поблескивали при малейшем движении гордо поднятой головы. Украшенный геммами пояс поддерживал платье из прозрачного шелка. Небрежно наброшенная темно-алая накидка скрывала какой-то сверток в левой руке ведьмы.

Внезапно Саломея сделала шаг вперед, схватила сестру за волосы и откинула ее голову так, чтобы заглянуть в глаза.

Тарамис встретила этот страшный взгляд не дрогнув.

— Ты уже не рыдаешь, как бывало, милая сестричка? — прошипела ведьма сквозь зубы.

— Нет у меня больше слез, — ответила Тарамис. — Слишком часто ты тешилась видом

королевы, на коленях просящей о милосердии. Знаю я, что живу лишь только для того, чтобы ты могла меня унижать. Потому и в пытках соблюдала ты меру, чтобы не убить меня и не покалечить. Но я уже не боюсь тебя — нет во мне ни страха, ни стыда, ни надежды. И хватит об этом, сатанинское отродье!

— Ты льстишь себе, дорогая сестра, — сказала Саломея. — я по-прежнему забочусь о том, чтобы страдали и твое прекрасное тело, и твоя гордыня. Ты забыла, что, в отличие от меня, подвержена и душевным мукам — вот я и развлекала тебя рассказами о том, какие забавы учиняю над твоими безмозглыми подданными. Но на этот раз я принесла более веское доказательство. Знаешь ли ты, что твой советник Краллид вернулся из Турана и был схвачен?

Тарамис побледнела.

— Что, что ты с ним сделала?

В ответ Саломея вытащила загадочный сверток и, сбросив шелковый покров, подняла вверх голову молодого мужчины. Лицо его застыло в страшной гримасе — смерть, видно, наступила после жестоких мук.

Тарамис застонала, как от удара ножом в сердце:

— О Иштар! Это Краллид!

— Да, это Краллид! Он пытался взбунтовать народ. Уверял, глупец, что Конан был прав насчет того, что я не настоящая королева. Дурень, неужели он полагал, что чернь с палками и мотыгами поднимется против солдат Сокола? Ну и поплатился за свою глупость. Собаки терзают его обезглавленное тело во дворе, а дурная голова полетит в помойную яму к червям. Что, сестричка, неужели ты все-все слезы выплакала? Прекрасно! Под конец я приготовила для тебя отличную пытку — ты увидишь еще много таких картинок! — и Саломея торжествующе потрясла головой Краллида.

В эту минуту она не походила на существо, произведенное на свет женщиной.

Тарамис не поднимала глаз. Она лежала ничком на грязном холодном полу и тонкое ее тело сотрясалось рыданиями. Стиснутыми кулачками она колотила по каменным плитам.

Саломея медленно пошла к двери под звон браслетов.

Через несколько минут ведьма была у выхода из подземелья. Ожидавший там человек повернулся к ней. Это был огромный шемит с мрачными глазами и широкими плечами. Длинная черная борода его свисала на могучую грудь, обтянутую серебристой кольчугой.

— Ну что, завыла? — голос его был подобен реву буйвола — низкий, глубокий, как отдаленные гром. Это был командир наемников, один из немногих приближенных Констанция, посвященных в тайну судьбы королевы Хаурана.

— Разумеется, Кумбанигаш. Есть в ее душе струны, которых я еще не касалась. Когда одно чувство притупляется, всегда можно найти другое, более отзывчивое на пытки.

К ним приблизилась согбенная фигура в лохмотьях — грязная, со спутанными волосами, потешно прихрамывающая. Один из нищих, что ночуют в открытых садах и аллеях дворца.

— Лови, пес! — Саломея кинула ему голову Краллида. — Лови, немтырь. Брось ее в ближайшую выгребную яму… Кумбанигаш, он глухой — покажи ему, что нужно сделать!

Командир исполнил поручение, а растрепанный нищий закивал головой — дескать, понял, — и медленно стал бултыхать в сторону.

— Зачем затягивать этот фарс, — гремел Кумбанигаш. — Ты уже так прочно сидишь на троне, что никакие силы не снимут тебя оттуда. Что такого, если глупые кауранцы узнают правду? Все равно они ничего не смогут сделать. Так царствуй под своим собственным именем. Покажи им их бывшую повелительницу и повели отрубить ей голову на площади!

— Еще не время, достойный Кумбанигаш.

Тяжелая дверь закрылась и заглушила высокий голос Саломеи и громовую речь

Кумбанигаша.

Нищий притаился в одном из уголков сада. Там не было никого, чтобы заметить: руки, крепко обхватившие отрубленную голову — тонкие, мускулистые, — никак не вяжутся с горбатой фигурой и грязными тряпками.

— Я узнал! — шепот был едва слышным. — Она жива! О. Краллид, твои муки не были напрасными! Они замкнули ее в подземелье! Иштар, богиня честных людей, помоги мне!

4

Гарет наполнил алым вином украшенный самоцветами кубок, а потоп пустил золоченый сосуд по черному дереву столешницы прямо в руки Конану-киммерийцу.

Одеяние Гарета могло бы стать предметом зависти как любого варварского вождя, обожающего пышность, так и князя Запада, обладающего хорошим вкусом.

Вождь разбойников пустыни был облачен в белую шелковую тунику, расшитую на груди жемчугом и перетянутую в талии поясом из золотой м серебряной канители, переплетенной причудливыми узорами. Стальной остроконечный шлем был обернут тюрбаном из зеленого атласа и инкрустирован золотом с черной эмалью. Пышные шальвары заправлены в сапоги из выделанной кожи. Единственным оружием Гарета был широкий кривой кинжал в ножнах из слоновой кости, по моде номадов заткнутый за пояс над левым бедром.

Удобно расположившись в резном кресле, Гарет вытянул скрещенные ноги и звучно прихлебывал благородный напиток из драгоценного кубка.

В противоположность утонченному облику мунгана, киммериец выглядел куда более проще. Черные, гладко причесанные волосы, загорелое лицо в сетке шрамов, яркие голубые глаза. На нем была вороненая кольчуга, а единственным украшением служила золотая пряжка пояса, поддерживающего меч в истертых кожаных ножнах.

Они были вдвоем в шатре из тонкого шелка, освещаемом восточными светильниками. Пол был застлан трофейными коврами, шкурами зверей и бархатными подушками.

Извне в шатер доносился низкий шум большого военного лагеря. Время от времени ветер пустыни заставлял трепетать вершины пальмовых деревьев.

— Судьба изменчива! — воскликнул Гарет и, слегка распустив алый кушак, потянулся к сосуду с вином. — Некогда был я мунганским вельможей, ныне предводительствую народами пустыни. Семь месяцев назад ты висел на кресте в двух полетах стрелы от стен Хаурана, а сейчас — доверенный человек самого удачливого грабителя между туранскими укреплениями и пастбищами Запада. Ты должен благодарить меня!

— За то, что пригодился тебе? — рассмеялся Конан и поднял кубок. — Если ты позволяешь человеку подняться вверх, так уж наверное, не без выгоды. А я добивался всего в жизни своей силой, потом и кровью. — Он поглядел на свои изуродованные ладони. Да и многих шрамов на теле еще не было семь месяцев назад.

— Верно, ты дерешься как целое полчище дьяволов, — согласился Гарет. — Но ты же не думаешь, что из-за твоих доблестей в орду приходят все новые и новые люди. Племенам номадов всегда не доставало удачливого вождя. Наверное, поэтому они предпочитают доверять чужеземцам, а не соплеменникам. Отныне для нас нет невозможного. Сейчас под моей рукой одиннадцать тысяч воинов. Через год их будет втрое больше. До сих пор мы грабили только пограничные города Турана. С тридцатью тысячами мы оставим набеги и поведем правильную войну, покорим королевство Шем. Если будешь послушен, останешься моей правой рукой — министром, канцлером, вице-королем. Сейчас нужно ударить на восток, взять туранскую крепость Везек — там собирают пошлину с караванов и можно поживиться.

Конан отрицательно покачал головой.

— Я так не думаю.

— Что значит — ты так не думаешь? Я возглавляю войско, мне и думать!

— Воинов и сейчас хватит для моих целей, — ответил киммериец. — Не оплаченный долг тяготит меня.

— Ах, вон как, — Гарет глянул исподлобья и отхлебнул вина. — Ты все никак не можешь

забыть этот крест? Похвально, но с этим придется обождать.

— Когда-то ты обещал помочь взять Хауран, — сказал Конан.

— Верно, да ведь это когда было? Я в ту пору и не предполагал, что соберется такая армия. Кроме того, я собирался пограбить город, а не захватывать его. Я не хочу ослаблять своих воинов, а Хауран — крепкий орешек. Вот через год, тогда…

— Через неделю, — оборвал его Конан и твердость этих слов заставила мунгана изменить тон.

— Послушай, дружище, если бы я даже решился погубить своих ребят, ты что думаешь — неужели наши волки сумеют осадить и взять неприступный Хауран?

— Не будет ни осады, ни приступа. Я знаю, как выманить Констанция за стены.

— Ну и что? — в гневе воскликнул Гарет. — Пока мы будем осыпать друг друга стрелами, не их, а нашей коннице придется туго. Их отряды пройдут через нас, как нож сквозь масло.

— Такого не будет, если за нами встанут три тысячи отчаянных гиборийских всадников, привыкших сражаться в строю по моей науке.

— Где же ты возьмешь три тысячи гиборийцев? — рассмеялся Гарет. — Разве что из воздуха наколдуешь?

— Они уже есть, — твердо сказал Конан. — Три тысячи кауранских воинов кочуют в оазисе Акель и ждут моего приказа.

— Что? — Гарет стал похож на загнанного волка.

— Что слышал. Эти люди бежали от власти Констанция. Большинство из них скитались по пустыне как изгнанники. Зато теперь это закаленные и готовые на все солдаты. Это тигры-людоеды. Каждый стоит троих наемников. Беда и неволя укрепляют истинных мужей и наполняют их мышцы адским пламенем. Они бродили мелкими группами и требовали вождя. Я связался с ними через моих посыльных. Они собрались в оазисе и ждут команды.

— И все это без моего ведома? — в глазах Гарета появился зловещий блеск, рука нашаривала кинжал.

— Они признали мою власть. А не твою.

— И что ты наобещал этим выродкам?

— Я сказал, что волки пустыни помогут им распластать Констанция и вернуть Хауран его жителям.

— Дурак. Ты что, вождем себя вообразил?

Оба вскочили. Дьявольские огни плясали в серых зрачках Гарета, губы киммерийца тронула грозная усмешка.

— Я прикажу разодрать тебя четырьмя конями, — процедил сквозь зубы мунган.

— Кликни людей да прикажи, — сказал Конан. — Авось послушаются.

Хищно ослабившись, Гарет поднял руку и остановился — его удержала уверенность Конана.

— Выродок с западных гор, — прошипел он. — Как же ты осмелился на заговор?

— В это не было нужды, — ответил Конан. — Ты лгал, когда говорил, что люди идут к нам не из-за меня. Как раз наоборот. Они, правда, выполняют твои приказы, но сражаются за меня. Короче, двум вождям здесь не бывать, а все знают, что я сильнее тебя. Мы с ними прекрасно понимаем друг друга — ведь я такой же варвар, как они.

— Но что скажет армия, когда ты прикажешь ей биться для пользы Хаурана?

— Подчинится. Я обещал им караван золота из дворцовых сокровищниц. Хауран заплатит хороший выкуп за изгнание Констанция. А уж потом пойдем на Туран, как задумано. Народ подобрался жадный, им хоть с Констанцием биться, хоть с кем.

В глазах Гарета появилось осознание краха. За кровожадными мечтами о собственной империи от просмотрел то, что творилось под боком. Мелочи вдруг обрели настоящее значение.

Он понял, что слова Конана — не пустая угроза. В черной кольчуге перед ним стоял подлинный предводитель зуагиров.

— Так погибни, собака! — зарычал мунган и схватился за кинжал. Но рука Конана с кошачьей быстротой метнулась вперед и кисть ее сомкнулась не предплечье Гарета. Раздался треск костей и напряженная тишина повисла в шатре. Мужи стояли лицом к лицу, неподвижные, точно статуи. Капли пота выступили на лбу Гарета.

Конан засмеялся, но кулака не разжал.

— Неужели ты выдержишь это, Гарет?

Улыбка все еще бродила по лицу Конана. Мышцы его заиграли, сплетаясь в ременные узлы, а могучие пальцы вонзились в дрожащую руку мунгана. Послышался хруст трущихся друг об дружку костей и лицо Гарета стало серым как пепел. Из прикушенных губ брызнула кровь — но он не издал ни звука.

Смеясь, Конан освободил его и отступил на шаг. Мунган покачнулся и оперся здоровой рукой о стол.

— Я дарю тебе твою жизнь, Гарет, так, как ты подарил мне мою, — спокойно сказал Конан. — Хотя ты снял меня с креста исключительно для своей пользы. Тяжкое это было для меня испытание, ты бы его не выдержал. Это под силу только нам, варварам с Запада. Ступай, садись на своего коня — он привязан за шатром, вода и пища во вьюках. Отъезда твоего не увидит никто, но поспеши — побежденному владыке не место в пустыне. Если воины увидят тебя, калеку, лишенного власти, то живым не отпустят.

Молча Гарет выслушал Конана и так же в молчании повернулся и вышел из шатра. Молча взобрался он в седло высокого белого жеребца, привязанного в тени раскидистой пальмы, молча вложил покалеченную руку за ворот туники, поворотил коня и отправился на восток, в пустыню, чтобы навсегда исчезнуть из жизни зуагиров.

Конан остался один. Он осушил кубок и вытер губы. Ему стало легко. Отшвырнул кубок в угол, поправил ремень и вышел вон. На минуту он остановился и оглядел море палаток из верблюжьей шерсти, расстилающееся перед ним. Между палаток бродили люди в белом. Они пели, ссорились, чинили конскую сбрую и точили сабли.

Голос Конана был подобен грому и раскаты его донеслись до самых дальних шатров:

— Эй вы, канальи, навострите уши и слушайте! Ступайте все сюда — я хочу вам кое-что поведать!

5

Люди, собравшиеся в башне при городской стене, внимательно прислушивались к речам одного из них. Все они были молоды, но крепки и ловки. Чувствовалась в них закалка, которую дают тяжкие испытания. Все они были в кольчугах, в кожаных кафтанах и при мечах.

— Я знал, что Конан прав — это не Тарамис! — толковал Валерий. — Целый месяц под видом глухого побирушки я слонялся возле дворца. И, наконец, убедился в своих давних подозрениях. Наша королева томится в дворцовом подземелье. Стал выжидать удобного случая. Тут мне и подвернулся стражник-шемит. Я его оглушил, затащил в ближайший погреб и допросил с пристрастием. Перед тем как сдохнуть, вот что он мне сказал: Хаураном правит ведьма по имени Саломея, а Тарамис заключена в самом глубоком подземелье. А этот набег зуагиров нам крепко поможет. Что намерен предпринять Конан — угадать трудно. Наверняка он посчитается с Констанцием, но, возможно, разграбит и разрушит город. Это ведь варвар, нам его не понять. Тогда у нас одна задача — в разгар битвы освободить Тарамис. Констанций выведет войско в поле, они уже оседлают коней. В городе нет припасов, чтобы выдержать осаду — слишком уж внезапно воины Конана появились под стенами. А киммериец как раз готовился к осаде: разведка доложила, что зуагиры тащат стенобитные машины и осадные башни. Все это придумал Конан, он ведь все военные науки Запада превзошел. Непременно выведет Констанций всех своих солдат, чтобы одним ударом покончить с врагом. В городе останется едва ли сотни три шемитов, да и те будут на стенах и у ворот. Тюрьма останется почти без охраны. А когда освободим Тарамис, посмотрим, как дело пойдет. Если победит Конан, покажем Тарамис людям и призовем к восстанию. И народ поднимется, сомнений нет! У нас хватит сил перебить шемитов хоть голыми руками. А потом мы закроем ворота и от наемников, и от кочевников. Ни те, ни другие не попадут в город. А уж тогда можно и с Конаном толковать. Он всегда был верен присяге. А когда узнает правду, да королева сама его попросит — может, и отступит. Но вероятнее всего, Констанций разгромит Конана. Тогда придется бежать из города и спасть королеву. Вы все поняли?

Собравшиеся разом кивнули.

— Доверим же мечи наши и души богине Иштар и пойдем к тюрьме — наемники выходят из города через Южные ворота!

Так оно и было. Солнце играло на остроконечных шлемах, непрерывным потоком льющихся через широкие ворота, на белых чепраках тяжелых боевых коней.

Битва должна была начаться с атаки тяжелой конницы, как принято на Востоке. Всадники выплывали из городских ворот стальной рекой — грозные мужи в вороненых и серебристых кольчугах в кирасах, в сплошных панцирях, бородатые, с хищными носами. Свирепые глаза их выражали решимость и ярость.

Люди высыпали на улицы, выглядывали из окон, молча провожали взорами чужеземных воинов, вышедших защитить чужой город. А горожанам было все равно.

На башне, возвышающейся над широкой улицей, что вела к Южным воротам, Саломея иронически разглядывала Констанция, который препоясался мечом и натянул рукавицы из стальных чешуек. Из окна доносился шум движущегося войска — поскрипывание сбруи и тяжелый конский топот по мостовой.

— Прежде чем стемнеет, — сказал Констанций и подкрутил усы, — у тебя будет множество пленников, чтобы насытить твоего дьявола в храме. Ему, поди, надоели мягкие тела горожан? Может, ему номады понравятся — они жилистые!

— Смотри сам не нарвись на тварь еще более дикую, чем мой Таут, — ответила Саломея, —

Помни, кто ведет врагов.

— Память у меня хорошая, потому и выхожу ему навстречу. Этот паршивый пес воевал на Западе и знает толк в штурме городов. Мои разведчики подобрались к их лагерю, а это нелегко, ведь у номадов орлиное зрение. Все же они разглядели, что верблюды волокли и катапульты, и тараны, и осадные башни. Клянусь Иштар! Чтобы все это соорудить, десять тысяч человек должны были трудиться не меньше месяца. А где он взял материалы — ума не приложу. Неужели договорился с туранцами? Впрочем, ему все это не понадобится. Я уже дрался с этими песчаными волками. Сперва перестрелка — тут моих воинов убережет броня, — потом атака. Мои полки прорвут слабый строй номадов, развернутся, ударят сзади и разгонят это воинство на все четыре стороны. Вечером я войду в Южные ворота и сотни пленников поплетутся за хвостом моего коня. Ночью мы устроим на дворцовой площади праздник — мои ребята любят сжигать пленных живьем и сдирать с них кожу. Что же касается, Конана, то неплохо бы взять его живым и посадить на кол перед дворцом.

— Развлекайтесь сколько влезет, — равнодушно откликнулась Саломея. — Я давно мечтала о платье из человеческой кожи. Но уж сотню пленных отдай мне — и на жертвенник, и для Тауга.

— Все будет по твоему слову, — ответил Констанций и бронированной ладонью зачесал волосы назад. — Итак, иду сразиться и победить во имя незапятнанной чести Тарамис! — он взял украшенный перьями шлем на изгиб левой руки, правой же отдал шутовской салют. Через минуту с улицы донесся его властный голос, отдававший команды.

Саломея лениво приподнялась, потянулась и позвала:

— Занг!

Бесшумный жрец с лицом из желтого пергамента скользнул в комнату.

Саломея указала на возвышение из слоновой кости, на котором лежали два хрустальных шара и велела жрецу взять тот, что поменьше.

— Поезжай за Констанцием. Будешь сообщать о ходе сражения. Ступай!

Человечек с пергаментным лицом низко поклонился, спрятал шар в складки черного плаща и поспешно вышел. В городе стало тихо. Через минуту послышался топот коня, затем — грохот закрываемых ворот.

По широкой мраморной лестнице Саломея поднялась на крышу, защищенную от солнца балдахином. Отсюда открывался вид на опустевшие улицы и безлюдную дворцовую площадь — народ Хаурана предпочитал держаться подальше от опоганенного храма. Город словно вымер.

Только на южной стене и на крышах прилегающих к ней домов толпились горожане. Они не издавали обычных в таких случаях приветственных криков, ибо не знали — победы желать Констанцию или поражения. Победа — значит снова вернется иго ненавистных шемитов, поражение — значит, в городе будет грабеж и резня. Никаких вестей Конан не подавал, а то, что он варвар — помнили все.

Полки наемников выходили на равнину. Далеко — далеко, на этом берегу реки можно было разглядеть волну конницы. Противоположный берег был усеян темными точками — осадные машины оставались на месте. Должно быть, Конан опасался удара в момент переправы.

Отряды Констанция тронулись — сперва шагом, потом рысью. Низкий рев донесся до стоящих на стене.

Две встречные волны столкнулись и перемешались в сплошную клубящуюся массу. Нельзя было понять, кто ударил первым.

Тучи пыли, поднятой копытами, покрыли поле сражения, как туман. Изредка из этого тумана выныривали всадники и снова скрывались, временами сверкало оружие.

Саломея недовольно передернула плечами и спустилась вниз. Во дворце было тихо — все

слуги и рабы вместе с горожанами таращились на сражение. Ведьма вошла в зал, где прощалась с Констанцием, и подошла к возвышению. Она увидела, что хрустальный шар помутнел и покрылся алыми пятнами. Саломея склонилась над ним и прошептала заклинание.

— Занг! — позвала она. — Занг!

Внутри шара поплыли туманные пятна, распадаясь в мелкую пыль. Мелькали неясные темные силуэты. Иногда, как молния в ночи, сверкала полированная сталь.

Затем появилось лицо Занга — такое четкое, словно он сам стоял перед Саломеей и глядел на нее выпученными глазами. По голому черепу текла кровь, желтая кожа была в пыли. Губы его дрогнули. Случись в зале посторонний, он бы ничего не услышал. Но для Саломеи голос жреца звучал отчетливо, словно и не было между ними нескольких миль. Только демоны тьмы ведали, что за магические нити связывали оба шара.

— Саломея! — сказал раненый.

— Я слышу! — крикнула ведьма. — Говори!

— Мы погибли! Хауран потерян. Клянусь Сетом! Подо мной убили коня, я не могу убежать! Вокруг падают люди… Эти, в серебристых кольчугах, гибнут как мухи…

— Перестань скулить и говори, что случилось! — фыркнула Саломея.

— Мы пошли навстречу этим псам пустыни, — начал жрец. — И они двинулись к нам. Полетели тучи стрел и номады дрогнули. Констанций скомандовал атаку и мы двинулись сомкнутыми рядами. И тогда их орда расступилась вправо и влево и нам предстали несколько тысяч гиборийских всадников — их никто не ждал! Хауранские витязи, охваченные гневом! Огромные детины на могучих конях и в полном вооружении! Плотным железным клином они прошли сквозь нас. Мы и заметить не успели, как строй был разрезан пополам. И тогда с двух сторон ударили кочевники. Наши ряды смешались, нас сломали и перебили! Это хитрый дьявол Конан! Осадные машины были для виду — одни каркасы из пальмовых стволов да раскрашенные тряпки. Наши разведчики ошиблись. Коварством выманили нашу армию за городские стены на погибель! Шемиты Сокола бегут! Конан зарубил Кумбанигаша. Констанция я не вижу. Хауранцы терзают нас, словно львы-людоеды, кочевники расстреливают из луков… Я… ах-х…

В хрустале блеснула сталь, брызнула кровь — изображение исчезло, словно лопнул пузырь на воде. Саломея застыла, вглядываясь с опустевший кристалл. Потом хлопнула в ладоши, и в комнате появился жрец, точь-в-точь похожий на покойного Занга.

— Констанций разбит, — торопливо сказала она. — Мы погибли. Скоро Конан начнет ломиться в городские ворота. Не сомневаюсь, что со мной будет тогда. Но сперва я уверюсь, что моя проклятая сестричка никогда уже не взойдет на трон. Будь что будет, но мы угостим Тауга на славу! Ступай за мной!

Они уже спускались во двор, когда со стен донесся нарастающий рев — толпа, стоявшая там, поняла, что победил Конан. Из облаков пыли вырывались всадники и устремлялись к городу.

Дворец был соединен с тюрьмой длинной галереей под островерхой крышей. Потом Саломея и жрец вошли в широкий коридор, откуда круто вниз уходили ступени. Вдруг Саломея встала как вкопанная и проклятье застыло на ее губах. В полумраке возле стены лежал стражник-шемит, уставив короткую бороду в потолок. Голова его была почти отделена от тела.

Внизу раздавались приглушенные голоса и шаги нескольких человек, на стене появились отблески пламени.

Саломея отступила во тьму и притаилась за массивной колонной, туда же укрылся и жрец. Рука ведьмы потянулась к висящей на поясе позолоченной сумочке.

6

Яркое и дымное пламя факела пробудило королеву Хаурана от сна. Она поднялась, опираясь на руки и открыла глаза. Наверное, Саломея что-то задумала! Но раздался взволнованный голос:

— Тарамис! О, моя королева!

Она сперва подумала, что продолжает спать, но глаза ее увидели за пламенем блеск оружия и человеческие фигуры. Пятеро людей склонились над ней — грозные чернобородые загорелые лица.

Королева завернулась в лохмотья и, сжавшись в комок, ожидали своей участи.

Один из пришельцев пал на колени и простер к ней руки.

— О Тарамис! Иштар помогла разыскать тебя! Помнишь ли ты меня? Я Валерий. Когда-то, после битвы при Корвеке ты удостоила меня поцелуем…

— Валерий… — простонала королева. — Я, должно быть, сплю… Это новая ворожба Саломеи…

— Нет! — голос его дрожал. — Твои верные слуги пришли спасти тебя. Но нужно торопиться. На равнине Констанций сражается с Конаном, который привел из-за реки зуагиров, но сотни три шемитов все еще в городе. Стражник убит, вот его ключи. Других часовых не видно. Уходим быстро!

Королева облегченно вздохнула и потеряла сознание. Не раздумывая, Валерий подхватил ее на руки и пошел вслед за тем, кто нес факел. Они стали подниматься по сырым ступеням лестницы — казалось, им не будет конца — и очутились в коридоре. Вдруг возле портала факел погас, а тот, кто его нес, издал короткий предсмертный стон. Голубая вспышка выхватила на миг из темноты разъяренные лица Саломеи и ее спутника.

Вспышка была такой яркой, что кауранцы ослепли. Валерий с королевой на руках продолжал бежать, слыша за спиной звуки убийственных ударов, стоны и хищное сопение. Но тут сильный толчок поверг воина на пол, а королеву вырвали у него из рук. Он кое-как поднялся и затряс головой, чтобы прогнать ослепление. Он был один в коридоре, его спутники лежали в крови, покрытые глубокими ранами. Ослепленные адским пламенем, они, должно быть, и не защищались. Все были мертвы.

Королева исчезла.

Грубо выругавшись, Валерий вытащил меч, снял погнутый шлем и что было сил хватил им об пол. Из раны на голове по лицу потекла теплая струйка. Он несколько раз оборотился, прикидывая, в какую сторону унесли Тарамис, и услышал, что кто-то зовет его:

— Валерий! Валерий!

Спотыкаясь, он побежал на голос и через минуту в его руках оказалось знакомое стройное тело.

— Игва! Да ты с ума сошла!

— Я должна, должна была пойти сюда, — со слезами в голосе сказала девушка. — Я следила за вами и спряталась во дворе за аркой. Только что я видела ее и слугу, который тащил женщину. Я узнала Тарамис и поняла, что вам не повезло… Ты ранен!

— Царапина, — он оттолкнул ее руку. — Вперед, Игва! Показывай, куда они побежали!

— Через двор в сторону храма.

Молодой воин побледнел.

— Во имя Иштар! Вот ведьма! Она решила принести Тарамис в жертву своему демону! Скорее беги к людям на южной стене и скажи, что нашлась настоящая королева и ведьма тащит ее в храм. Беги!

Девушка, заливаясь слезами, пересекла площадь и скрылась в улице, что вела к стене. Валерий устремился к зданию, угрюмо возвышавшемуся напротив дворца. Ноги его едва касались каменных плит. Саломея и жрец в спешке не закрыли за собой тяжелую дверь. Воин вбежал в храм и увидел тех, кого преследовал. Королева очнулась и, чуя неминуемую гибель, сопротивлялась изо всех сил. Ей даже удалось вырваться из цепких рук жреца, но лишь на мгновение.

Они были уже в центре огромного зала, на другом конце которого находился страшный жертвенник, а за ним — высокие железные двери. Многие прошли через них, но возвращалась лишь одна Саломея.

Во время борьбы лохмотья слетели с королевы и она казалась лесной богиней в объятиях демона. Саломея шагала к дверям, нетерпеливо оглядываясь. В полумраке мелькали перекошенные физиономии идолов.

Подняв меч, Валерий в гневе бросился вперед. Раздался предостерегающий крик Саломеи и желтолицый жрец, отбросив Тарамис, достал из ножен окровавленный клинок.

Резать людей, ослепленных колдовским пламенем Саломеи, было, видно, легче, чем противостоять молодому и сильному гиборийцу, охваченному яростью и ненавистью.

Кровавый клинок взлетал вверх, но меч воина был более быстрым и просто-напросто отсек кисть жреца. Брызнула кровь. Опьяненный боем, Валерий наносил все новые и новые удары, пока бездыханное тело не рухнуло на пол. Лысая голова при этом покатилась в сторону.

Валерий, похожий в эту минуту на лесного хищника, обернулся в поисках Саломеи. Та склонилась над Тарамис. Одной рукой ведьма держала сестру за волосы, другая, с кинжалом, выбирала место для удара. Снова свистнул меч Валерий и вонзился в грудь ведьмы с такой силой, что вышел между лопатками на добрый локоть.

Со страшным криком Саломея рухнула на колени, схватилась руками за лезвие меча и упала, содрогаясь в конвульсиях. Глаза ее уже не походили на человеческие и с нездешней силой цеплялась она за жизнь, вытекавшую из нее через рану — она как раз рассекла алый полумесяц на груди. Ведьма извивалась в агонии, кусала и царапала каменные плиты.

Валерий с отвращением отвернулся и поднял королеву; та была в полуобморочном состоянии. Оставив позади издыхающую тварь, он вынес Тарамис во двор к подножию лестницы.

Площадь была заполнена народом. Кто откликнулся на призыв Игвы, кто просто бежал со стены от страха перед ордой. Отупелость и равнодушие сменились подъемом, толпа волновалась и шумела, потрясала кулаками. Со стороны ворот раздавались глухие удары тарана.

Отряд разъяренных шемитов напирал на толпу — это была стража Северных ворот, спешившая на подмогу к Южным. Но все — и стражники, и народ — разинули рты от удивления, когда на ступенях храма появился юноша, державший на руках обнаженное тело.

— Вот наша королева! — провозгласил Валерий, стараясь перекричать толпу.

Люди ничего не поняли.

Верховые шемиты стали пробиваться к ступеням храма, избивая народ древками копий.

И тогда…

За спиной Валерия появилась тонкая фигурка в окровавленной белой одежде. И люди увидели, что на руках Валерия лежит их повелительница, а в дверях храма стоит другая — точная ее копия.

Увидев ведьму, Валерий почувствовал, что кровь стынет у него в жилах: ведь его меч пробил ей сердце. По всем законам природы ей полагалось быть мертвой. Но она была жива.

— Тауг! — закричала ведьма, оборотившись к дверям. — Тауг!

В ответ послышался громовой хохот, треск дерева и звон лопающегося металла.

— Это королева! — завопил сотник-шемит и сорвал с плеча лук. — Стреляйте в эту парочку на лестнице!

Но толпа уже рычала, как свора разъяренных собак. Люди, наконец, поняли смысл слов Валерия и догадались, кто их настоящая королева. С этим рычанием люди и набросились на шемитов, вооруженные лишь зубами, ногтями да кулаками.

Возвышавшаяся над этим месивом людских и лошадиных тел Саломея покачнулась и упала на мраморные ступени — на этот раз мертвая окончательно и бесповоротно.

Стрелы свистели вокруг Валерия, пытавшегося укрыться за колонной портика. Конные рубили и стреляли направо и налево, стремясь спастись от расправы толпы. Валерий добежал до двери храма и уже собирался переступить порог, но вдруг вернулся, закричав от ужаса.

Из мрака, царившего в храме, выкатилась огромная черная туша и устремилась к Валерию длинными лягушечьими прыжками. Юноша увидел, как сверкают огромные глазищи, увидел клыки и саблеподобные когти и отскочил от дверей. Стрела просвистела над ухом, напомнила ему, что за спиной тоже стоит смерть.

Четверо или пятеро шемитов пробились сквозь толпу, и теперь их кони были уже на ступенях. Стрелы с треском ударялись в колонну. Тарамис давно уже была без сознания и казалась мертвой.

Прежде чем шемиты успели еще раз выстрелить, ворота храма заполнило гигантское тело. Наемники в ужасе поворотили коней и влетели в толпу. Люди в панике побежали, топча упавших.

Но чудовищу были нужны только Валерий и королева. Протиснув свое могучее колышущееся тело сквозь ворота, оно бросилось к юноше, который побежал вниз по лестнице. Валерий слышал, как э т о движется за спиной — огромная тварь, порожденная в сердце мрака, черная желеобразная масса, в которой можно было различить только горящие жаждой крови глаза и страшные клыки.

Тут раздался топот копыт и отряд окровавленных, изрубленных шемитов влетел на площадь и стал вслепую прорубаться сквозь толпу. Это были те, что охраняли Южные ворота. Их преследовала группа всадников, которые размахивали окровавленными мечами и кричали на родном языке — то жители Хаурана, бежавшие в пустыню, вернулись в свой город. Вместе с ними въехали полсотни чернобородых номадов во главе с богатырем в вороненой кольчуге.

— Конан! — воскликнул Валерий. — Это Конан!

Гигант увидел его, все понял и отдал приказ. Не останавливая коней, всадники из пустыни подняли луки, натянули тетивы и выстрелили. Смертоносная туча запела над человеческим морем и вонзилась в тушу чудовища. Тварь остановилась, издала ужасный рев и зашаталась — черная клякса на белом мраморе. Всадники сделали еще один залп, еще один… Мерзкое кваканье раздалось из поганой пасти. Тварь рухнула и покатилась по ступеням — мертвая, как и та, что вызвала ее из бездны минувших тысячелетий.

Конан остановил коня и спешился.

Валерий положил королеву на мраморные плиты и упал рядом с ней — силы оставили его. Толпа хотела приблизиться. Конан с проклятием отогнал ее и склонился над королевой.

— Клянусь Кромом, это Тарамис, А кто же та?

— Дьяволица, принявшая ее облик, — прохрипел Валерий.

Конан выругался и, сорвав с ближайшего воина плащ, накрыл им обнаженное тело королевы. Она открыла глаза и с изумлением посмотрела на покрытое шрамами лицо киммерийца.

— Конан! — ее нежные руки обхватили богатырское плечо. — Или я сплю? Ведь она сказала, что ты убит!

— Убит, да неудачно, — широко улыбнулся Конан. — Ты не спишь, Ваше величество! Там, у реки, я разгромил Констанция в пух и прах. Они бежали, трусливые собаки, но до стен не дошел ни один — я приказал не брать пленных, кроме самого Констанция. Стража захлопнула ворота у нас перед носом, но мы вышибли их тараном. Своих волков, не считая этой полусотни, я оставил за воротами. Не могу поручиться, что они будут вежливо вести себя в городе.

— О Иштар! Какой ужасный сон! — вздохнула королева. — Несчастный мой народ! Конан, ты должен помочь нам — отныне ты и капитан гвардии, и самый главные советник!

Конан засмеялся и отрицательно покрутил головой. Он встал и помог подняться королеве, потом кивнул кауранцам, чтобы они спешились и ждали распоряжений своей повелительницы.

— Не стоит, Ваше величество — капитаном я уже был. Отныне я вождь зуагиров и поведу их на Тауран, как обещал. Вот из Валерия получится добрый капитан, а мне надоела жизнь среди мраморных стен. Но сейчас я должен оставить тебя и закончить свои дела — в городе еще полно живых шемитов!

Сказав это, Конан жестом приказал подать ему коня, вскочил в седло и помчался, увлекая за собой своих лучников.

Тарамис, опираясь на плечо Валерия, обернулась ко дворцу и ликующая толпа расступилась, образовав коридор до самых дверей. Валерий услышал, как нежная ладонь коснулась его правой руки, онемевшей от тяжести меча, и не успел он опомниться, как оказался в объятиях Игвы. Наступило время мира и покоя.

Увы, не всем суждены мир и покой — некоторые для того и приходят на свет, чтобы неустанно сражаться и нет у них иной дороги…

… Всходило солнце. По древнему караванному пути от стен Хаурана до самой реки растянулись всадники в белых одеждах. Во главе кавалькады ехал Конан-киммериец на огромном белом жеребце. Неподалеку от него торчал из земли обрубок деревянного бруса. По соседству возвышался массивный деревянный крест. На нем висел человек, прибитый по рукам и ногам железными гвоздями.

— Семь месяцев назад, Констанций, ты стоял здесь, а я висел на кресте, — заметил Конан.

Констанций не ответил, только облизнул помертвевшие губы. Глаза его были полны болью и страхом.

— Пытать, конечно, ты горазд, а вот терпеть… — продолжал спокойно Конан. — Я висел точно так же, но выжил — хвала счастливому случаю и варварскому здоровью. Где вам, цивилизованным людям, равняться с нами. Вы умеете только мучить, но не переносить муки. Да, слабо вы за жизнь боритесь! Солнце не успеет зайти, как ты умрешь. Я оставлю тебя, Сокол Пустыни, в обществе других здешних птичек, — он показал на стервятников, кружащихся в небе над головой распятого.

Констанций закричал от ужаса.

Конан тряхнул поводьями и жеребец послушно направился к реке, горевшей серебром в лучах утренней зари. Следом за своим вождем тронулись белые всадники. Жалость незнакома людям пустыни — на Констанция они взирали вполне равнодушно. Копыта коней отбивали в пыли ритм похоронного марша распятому, а крылья голодных стервятников рассекали воздух все ниже и ниже…